

Журналы: МЕСЯЦ ЗА МЕСЯЦЕМ

ЛИТЕРАТУРА всегда стояла и стоит на том, что правды азыскуют. Но правда — вещь колючая, далеко не всегда и не всем приятная. И в недавнюю пору от нее нередко отмахивались, предпочитая ей парадные реляции и шумные восторги по поводу побед, многие из которых на поверку оказались мнимыми.

Сказывалось это не только тогда, когда обращались к дню сегодняшнему: достаточно сильным было стремление и в истории обнаруживать лишь то, что хотелось бы обнаружить в ней. А если при этом оказывались слишком упрямыми, сопротивлялись факты, не подтверждавшие нужных истин, то тем хуже было для фактов. В результате получали столь широкое распространение удобные — пусть и очень тощие — формулы, нехитрые стереотипы. Они-то и были призваны воплотить опыт истории.

Многие ее страницы требуют сегодня нового — более глубокого, трезвого, я бы даже сказал, мужественного прочтения, осмысления. И тут равно неприемлемы как желание видеть в прошлом лишь цепь побед, грандиозные свершения, так и желание избирать для его изображения лишь черную краску.

Правда — и правда истории тоже — многомерна и не терпит предвзятого к себе отношения, натяжек и подтасовок. В особенности когда заходит речь о трудных периодах в нашей истории — а впрочем, кто возьмется выделить в ней легкие времена? Сейчас особенно остро ощущается, как скудны, а часто и смутны наши представления о многих страницах истории: подлинное постижение ее во всей сложности подменяется скоросными суждениями, продиктованными стремлением найти здесь подтверждение желаемому.

Вольное в той или иной мере обращение с правдой истории вызывается разными причинами. Но всегда мстит за себя.

Напоминать об этом, к сожалению, приходится: полуправда — часто в весьма привлекательной упаковке занимательности — оказывается еще достаточно соблазнительной.

Не смог до конца избежать этого соблазна Б. Васильев в романе «И был вечер, и было утро» («Октябрь», № 3). Обращаясь к эпохе первой русской революции, писатель поставил перед собою цель вскрыть героиню времени, изображая преимущественно быт провинциального русского городка. Задача сложная, увлекательная: тут речь о том, как нарушает революция застойное бытие медвежьего угла, наполняя новым смыслом жизнь каждого из его обитателей.

И в новом своем романе Б. Васильев вглядывается в людей неординарных, ярких, рассказывает о событиях, которые становятся определяющими в судьбах персонажей, предпочитает острые, неожиданные сюжетные ходы, раскованную, броскую фразу. Занимательностью рассказанные писателем истории могут вполне соперничать с историческими анекдотами. И не только благодаря несколько игровому тону повествования, но главным образом потому, что в угоду этой занимательности автор романа явно поступает правдой.

Задача, которую ставит перед собой писатель, куда как серьезна и сформулирована она весьма определенно: «Если существует история у твоего народа, ты не случайный каприз судьбы, не результат спаривания, женской оплошности или мужской настойчивости; ты фокус поколений, что жили до тебя, самим своим существованием обеспечив именно твое поколение». И возникающие на страницах романа «фокусы поколений» живут размахисто, демонстрируя завидную душевную удалость, способную повести и на кулачные бои, и на баррикады — для персонажей романа разница в этом случае не слишком велика. Трогательное единение обнаруживают они и тогда, когда всем городом встречают социал-демократа, героя англо-бурской войны, и тогда, когда радуются открытию в городе нового кабака с девицами: именно этим событием озаглавлено в романе начало нового века.

Кабаке и его содержательница Роза вообще занимают в романе исключительное место: в этом веселом заведении собираются на совещание завтрашние защитники баррикады, здесь скрываются они после разгрома. Кабаке будет закрыто во время баррикадных боев в знак солидарности с революционерами, а его содержательница преподаст в конце концов эффектный урок нравственности любовнику — эсеру-боевику. И невмудрено, что защитники баррикады — впрочем, как и те, кто штурмует ее, — даже во время боев думают преимущественно о девицах из заведения Розы,

там находя единственную награду за свои подвиги.

Занимательные картинки пишет Б. Васильев: тут и романтическая история подкидыша-цыгана, и не менее романтическая история юной девицы из Розиново заведения, бросившей с моста, чтобы хоть ненадолго задержаться карателей. Тут и юродивые, то потешающие честную публику, то поражающие читателя благородством.

Сказать, что автору романа «И был вечер, и было утро» слишком часто изменяет вкус, — значит сказать очень мало. Тут в пору о другом задуматься — об отношении романиста к истории, к прошлому. Оно, в особенности когда речь заходит о его героических страницах, без сомнения достойно уважения. А там, где чувство это утрачивается, неизбежно появляется желание расцветить рассказ о минувшем времени пикантными или попросту занимательными подробностями. Штурм баррикады, например, нарисован в подчёркнуто карикатурном виде: диву даешься, когда встречаешься с изображением столь нелепых, как в романе Б. Васильева, «боевых действий». Однако ведь и защитники баррикады, участвующие в этом по-

и просто используя страх Васьки перед возможным разоблачением, а ей и всего-то нужно — жить по собственному разумению. Тогда она сможет горы своротить, потому что «главное в ней — жадность на работу».

Благодаря песням, кинофильмам, многочисленным сочинениям надежно закрепились в нашем сознании образ эпохи первых пятилеток, когда люди шли на работу со знаменем и призывом «Даешь!». И молодые герои повести С. Антонова этих наших представлений не разрушают. Они живут с убеждением, что коммунизм наступит лет через десять, а скорее всего и раньше — ради этого не жалуют они ни себя, ни других.

Но С. Антонов не оду слагает — ему прежде всего нужно понять, почему часто непомерно высокой оказывается цена, которую приходится платить за исторический опыт. Победа любой ценой — лозунг громкий, да только за этими словами чаще всего — нежелание видеть тех, кому приходится платить. Как говорит один из персонажей повести С. Антонова, «энтузиазм приносит пользу только при умножении на продуманную организацию работ. А если

стойчивостью, так часто обнаруживает оно себя? С. Антонов по-прежнему дает своим героям возможность жить на страницах книги без подсказки автора, по-прежнему внимателен к течению живой жизни. Но нет-нет, да и «пережмет», и тогда появится в «Ваське» пройдоха Осип Недоносков, который каждый своим поступком и словом должен наглядно продемонстрировать, сколь отвратителен человек, никогда не знавший, что такое совесть. Однако примечательнее другое: у писателя подчас возникает желание самому взять слово, чтобы сказать об удивительном строительстве, «не имевшем ни смет, ни проекта, ни специалистов». О строительстве, фантастически короткие сроки которого были определены волевым решением. Расплачиваться за это приходилось всему коллективу метростроителей. И особенно остро ощущается, что повесть о минувшем времени обращена к сегодняшнему дню.

Она порождена желанием приблизиться к пониманию суровой, порою трагической правды эпохи, когда за победу приходилось платить непомерно высокую цену. И далеко не всегда по велению

партии Поспелов. — Личности тут не в счет». А роман Б. Можаява густо населен людьми, многие из которых именно при Советской власти впервые почувствовали себя личностью и расставаться с этим чувством не хотят. Им-то и дает слово писатель, с пронзительной силой звучат в романе голоса тех, кого революция наделила землей, сделала хозяевами и своей страны, и своей судьбы, — а теперь задается вопрос: «Мы кто, хозяева или работники?»

Или же: «Не жалостью надо измерять наши дела, а величием поставленной цели». Нелепое противопоставление, порожденное чудовищной логикой, благодаря которой и неизбежные в борьбе потери кажутся вершинами народных судеб совсем не страшными.

Не только о судьбе русской деревни, русского крестьянства ведет речь писатель — в его романе идет яростный спор о том, как жить человеку на земле. По тем ли законам, что диктуются самой жизнью, и нужно познать их, использовать их силу. Или жить, руководствуясь лишь собственными желаниями, собственным разумением. Последнее куда как соблазнительно, да только насилие над живой жизнью обходится слишком дорого — и в первую очередь для тех, на ком она, жизнь, стоит. В споре этом неизбежно обращение и к истории, и к теории, но имеет он отнюдь не теоретическое значение и решается социальной практикой, отзывается в людских судьбах. Примечательно, что в теории — да и в истории тоже — сильнее других оказывается в романе Б. Можаява бывший красный командир, а теперь сельский учитель Успенский, который убежден в необходимости бережного отношения к вековым законам жизни, и тем близок этот интеллигент крестьянину Андрею Бородину. А не способный выстоять в дискуссии с Успенским районный деятель Ашихмин апеллирует не к разуму, а к имеющейся в его руках власти. И страшно, что власть оказывается именно в его руках. Или в руках предрика Возвышаева, уверенного в том, что «всеобщего согласия на земле не ждуть, его просто устраивают для пользы дела», и потому с помощью угроз загоняющего в колхоз крестьян села Гордеева, отбирая у них семенной хлеб, сажая несогласных без суда и следствия в холодную.

История в романе «Мужики и бабы» служит жестоким уроком сегодняшнему дню, оказывается аргументом обжигающей силы в современных спорах о путях общественного развития, о судьбе деревни в наши дни. «В этой жизни мы перестали быть хозяевами», — с горечью говорит один из персонажей романа: «не тут ли одна из важнейших, острейших проблем, над решением которой бьемся мы сегодня. А за выписанными выше словами в романе — люди с их судьбами. Прокоп Алдонин, у которого не выдерживает сердце, когда приходят раскулачивать его, вчерашнего бедняка, чей скромный досток оплачен тяжким трудом. Или бездельник и демагог Якуша Ротастенький и беспорядный пьяница Степан Гредный, которые ради поживы охотно выступают в роли «ретивых выгребальщиков». Или вот еще следаемый лишь одной страстью, жадой властвовать над людьми Возвышаев.

Литература наша не впервые подступает к осмыслению драматических коллизий, возникших в эпоху перехода страны на рельсы коллективизации. Вспоминается имя автора «Поднятой целины», имена авторов «Драчунов», «Касьяна Остудного». О необходимости этого перехода, о роли, которую сыграли — и продолжают играть — колхозы в судьбе нашего народа и государства, сказано много верного. Но нам (и литературе тоже) еще многое предстоит продумать — спокойно, трезво, чтобы уяснить, почему этот исторически необходимый акт отозвался столь драматично в судьбах многих и многих людей.

Полемические переклесты, неприкрытая тенденциозность — а от всего этого не свободен роман Б. Можаява — едва ли способны помочь делу. Тут публицист явно теснит художника. И писателя можно понять: он торопится сказать свое слово о том, что и сегодня продолжает тяжело отзывать в нашей жизни. Однако не все из того, что говорится автором романа, можно принять: эмоции захлестывают.

Нашей критике еще предстоит разобратся в этом романе, написанном страстно, даже яростно. Здесь авторская мысль ищет прямой путь к читательскому сердцу, и поэтому характеры порою не прописаны достаточно глубоко, в стремительно несущемся потоке событий, людских судеб лишь мелькнет и потеряется то один, то другой человек, заимствованная из газет информация воспринимается как самоценная, низводя сказанное писателем к иллюстрации изложенного в газете.

История, повторю вслед за поэтом, не терпит суесловья. И нужно большое мужество, чтобы добраться до смысла того, что запечатлено на ее страницах, чтобы усвоить заключенный в ней опыт поколений.

Анатолий КАРПОВ, доктор филологических наук

ИСТОРИЯ НЕ ТЕРПИТ СУЕСЛОВЬЯ

чи опереточном представлении, выглядят не многим лучше.

Игривость тона, который принят рассказчиком, неминуемо ведет за собой цветистость, кокетливость стиля. Одна за другой возникают витиеватые фразы («Его высокопревосходительство принадлежал к тому стилю высочайше утвержденных руководителей...»), «красивые» словесные конструкции («усталостный надлом»), «пикантные» подробности (вроде красных подштанников, которыми поразил воображение земляков один из персонажей).

Так обнаруживает себя фамильярное отношение к истории, которое ведет к облегченному представлению о сути и смысле ее.

А нам нужно добраться до этой сути, чтобы подлинно извлечь уроки — даже горькие уроки — из прожитого страной, народом. Полуправда потому и опасна, что мешая движению вперед, создает благоприятную почву для застоя, самоуспокоенности. Наша сегодняшняя литература способствует преодолению этих явлений, дополняя, корректируя, а то и ломая иные из прочно укоренившихся представлений о важных в жизни народа событиях.

Вот и об эпохе строительства первой очереди московского метрополитена известно, что это была эпоха трудового энтузиазма, подлинного героизма. И это правда, которой мы вправе и сегодня гордиться, поражаясь мужеству людей, сумевших в небывало короткие сроки, в неслыханно сложных условиях совершить подвиги трудовой подвиж. В повести С. Антонова «Васька» («Юность», №№ 3—4) ощущимо воссоздана атмосфера борьбы, которую ведут метростроители за каждый метр прорубаемого под московскими улицами тоннеля, за каждый кубометр уложенного здесь бетона. Передано ощущение гордости, возникающее у людей, которые делают небывало трудное, а вместе с тем и чрезвычайно почетное, нужное дело.

Да только это — еще не вся правда. У С. Антонова она многомерна, складывается из черт и деталей, которые не всегда соответствуют прочно сложившимся представлениям об эпохе и ее героях. Ведь и Васькой-то в повести зовут Маргариту Чугуеву за ее отнюдь не женскую силу и статью. К тому же ударница-метростроительница, как выясняется, сама из лишенцев, сбежала из весьма отдаленных мест, куда ее вместе со всей семьей выслали по злему навету. Сколько людей пытаются вмешаться в ее судьбу, спасая, воспитывая, а то

и строительную площадку превратить в театр боевых действий и затеешь драку за темпы — то любой энтузиазм, как в любой драке, только увеличит число калек и убитых». И организацию, о которой идет здесь речь, не заменить ни громоглазными призывами, ни показным демократизмом, на которые был столь щедр тот, кого в его время называют Первым Прорабом, — его имя потом в течение долгого времени носил московский метрополитен.

Убежденность в том, что победа должна быть достигнута любой ценой, не преодолена и в наши дни. Ее кажущаяся соблазнительность в том, что она изобавляет добывающегося победы от необходимости думать. Искренне восхищаясь и Васькой, что подставляет свое могучее плечо под самые большие тяжести, и передовым бригадиром, комсоргом шахты Митей Платоновым, который, не задумываясь, бросается спасать обрушивающуюся стену котлована, автор повести не хочет скрывать, что право думать о судьбе страны, о своей собственной судьбе они охотно передают другим. И только поняв это, можно понять время. Рождающие людей, которые — если надо — не спасуют и перед смертельной опасностью. Понять время, когда начинают подниматься круто в гору ловко торгующие своим бездарным пером люди, подобные начинающему писателю Гоше Успенскому, который очень быстро усваивает, что лишь «привычным истинам бурно аплодируют, за привычные истины платят высокие гонорары». Время, воспитывающее людей, подобных профессору-ихтиологу Константину Яковлевичу, который ничем не запятнал себя в пору челюскинской эпопеи, но панически боится быть втянутым в какую-нибудь провокацию, не забывая при этом о собственном достоинстве. В этом последнем случае в повести проскакивает в ход слова о примитивной трусости. Однако они, в сущности, ничего не объясняют: куда более понятной становится позиция — и поведение — профессора при упоминании об атмосфере тотальной подозрительности, наступившей в стране после смерти Кирова, и последовавших вслед за этим массовых репрессий.

Ненадолго стихая, вновь и вновь вспыхивают в сегодняшней литературной критике споры о том, во что обходится художнику стремление впрягаться — на публицистическом уровне — вмешиваться в жизнь. Споры нет, проигрыш в этом случае несомненен. Но отчего же с такой на-

сторической необходимости: часто потому, что громкие призывы и угрожающие приказы не имели под собою реального обеспечения. И — что еще печальнее — тут не принимался в расчет человек, которому отводилась лишь роль материала в процессе гигантского строительства. Потому-то в момент пуска первого поезда метро Митя Платонов испытывает «смутное чувство гордости и печали», а безответной Ваське и вовсе не нашлось места на этом торжестве.

Новая повесть С. Антонова позволяет говорить о выходе писателя к новому, более глубокому, нежели ранее, пониманию истории и принадлежащих ей людских судеб. К пониманию жизни, которая на страницах повести кипит, обжигая, вызывая у сегодняшнего читателя и чувство радостного изумления, и чувство горечи. А кроме того, желание извлечь суровый урок, что преподала эта эпоха.

Кто станет возражать, что литература всегда сильна правдой? Но как часто правду приглаживают, прихорашивают, приспособляют к своим собственным — часто корыстным — нуждам. И чем дальше и старательнее придают ей «товарный вид», тем сильнее обжигает она при встрече с нею, живой, неприкрашенной.

Сколько, к примеру, написано об эпохе коллективизации — подлинно революционном преобразовании села. А революция, как известно, бескровными не бывает. Но читаешь вторую книгу романа-хроники Б. Можаява «Мужики и бабы» («Дон», №№ 1—3) — и сердце заходится от боли: тут соприкасаешься с трагедией, порожденной ретивостью тех деятелей, что властью своей пытались утвердить кратчайшим, как им казалось, путь к всеобщему счастью.

Менее всего озачен автор романа необходимостью следовать литературным канонам — тут куда важнее другое: дать читателю возможность окунуться в жизнь, увидеть, услышать тех, кому была уготована роль «капитала, который надо потратить для построения социализма».

Но факты эти, вновь повторю, обжигают. Ибо речь идет о том, что происходило, когда нарушались основные принципы ленинской политики кооперации крестьянства, воссоздается возникавшая в этой обстановке атмосфера произвола, возможность поправки социалистической демократии и даже законности.

Идея коллективизации сомнению не подвергается. «Не то беда, что колхозы создают, — говорит в романе Андрей Бородин, один из тех крестьян, кому Советская власть дала все и на ком она стоит, — беда, что делают их не по-людски».

Так произнесено, может быть, главное в романе слово: именно людские законы лежат в основании жизни крестьянина, которая рушится по воле ретивых администраторов, усиливая неумных приспосабливцев, а то и просто любителей пожить за чужой счет. Даже — на чужой беде. «Оперирuem целыми классами, — говорит в романе секретарь райкома